

Александр Прост
СВИСТУЛЬКИН

РОМАН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга в ваших руках – необычное издание для нашего института: на ее страницах нет графиков и формул. И все же мы без колебаний, с гордостью и радостью помогли ей увидеть свет.

Наша любимая наука пока еще ищет язык общения с широкой публикой, а найти такой язык жизненно необходимо. В самом деле, невозможно ожидать от всех подряд или хотя бы многих тонкого понимания, скажем, преобразований Лоренца, без чего уже невозможно разобраться в замысловатом и довольно необычном математическом аппарате спиритической физики. Для самого поверхностного знакомства с нашей спецификой даже профессиональному физикау требуется известное время. Сложность изучения и несколько сенсационное (к счастью или к несчастью) внимание породили постыдное и грустное явление пугающего масштаба. На теле спиритической физики и научного оккультизма паразитируют многочисленные шарлатаны и аферисты, выдающие свои конъюнктурные фантазии за научные достижения.

К сожалению, читатель или зритель, который не проявлял специального интереса и сформировал свои представления на основе публикаций средств массовой информации, с преобладающей вероятностью знаком именно с воззрениями шарлатанов. Настоящие ученые, увы, не слишком охотно контактируют с прессой и, что гораздо важнее, в эффективности сильно уступают проходимцам. Наша юная наука насчитывает отроду лишь три десятилетия, практические результаты, собственно, только и интересные публике – зачастую предмет самой бурной полемики. Методики и гипотезы, всего несколько лет назад общепринятые, нередко частично и даже полностью отвергаются. Достаточно вспомнить пересмотры множества спиритических контактов, причем некоторых неоднократно. Ученый вынужден начинать едва ли не каждую фразу словами вроде «можно предположить», «нельзя исключать», «очень вероятно», ему приходится углубляться в тонкости и противоречия – а у мошенника всегда наготове законченная теория, увлекательная и сенсационная.

Александр Симонович Прост знакомит с современным состоянием спиритической физики и научного оккультизма в форме, доступной самому широкому читателю, однако достоинства его работы далеко не ограничиваются просветительским значением.

Феномен постжизни*, к которому обратился автор, – область спиритической физики, где кипят сейчас самые интенсивные и непримиримые дис-

* В научной среде принято использовать термин «феномен постжизни», а не «призрак» или «привидение».

куссии, настоящий фронтير стремительного проникновения в область нового знания, парадоксального и загадочного.

Феномен постжизни Свистулькина занимает совершенно особенное, исключительное место. Дело в том, что на сегодняшний день спиритологии известно, по разным оценкам, от тринадцати до тридцати четырех проявлений постжизни. МЦСФ (Манчестерский центр спиритической физики) насчитывает тридцать семь, но это мнение не пользуется широкой поддержкой в научной среде. При этом, опять-таки по разным оценкам, от пяти до четырнадцати известных случаев относят к Свистулькину, а из остальных феноменов лишь один проявил себя более чем однократно, да и то исключительно по оценке британских ученых из МЦСФ, которая не разделяется другими исследователями. По редкости любой феномен постжизни – явление уникальное, но Свистулькин уникален среди уникального.

Сделано немало попыток найти этому объяснение. По моему мнению, загадки тут много меньше, чем хотелось бы видеть романтически настроенным первокурсникам и профанам. Дело попросту в том, что спиритическая физика возникла в Санкт-Петербурге и, вполне естественно, на первых порах искала объекты для исследования на невских берегах, подле своей колыбели. В последние годы – благодаря некоторому упрощению доступа к РПВ-анализу* и более широкому его использованию – ученые все чаще находят свидетельства неизвестных

* РПВ (радиопоствительный) анализ – метод датировки проявлений постжизни по содержанию космогенных радиоактивных изотопов, а именно трития, натрия-22 и радия-226.

прежде проявлений постжизни. База исследований стремительно расширяется, но пока что именно феномен Свистулькина находится и в обозримом будущем останется в фокусе научного интереса.

Данная работа – обзор, в известном смысле справочник всего накопленного знания по данному вопросу, возможность для физика-спиритолога познакомиться с сегодняшними воззрениями исторической науки, историку – с последними данными спиритологии и РПВ-анализа, а непрофессиональному читателю – получить общее представление о достижениях и дискуссиях, кипящих среди ученых.

Авторы предисловий нечасто позволяют себе критику собственно книги. Я, однако, пользуясь правами старого товарища, который не скрывает глубокого уважения к научной работе Александра Симоновича, позволю себе выразить некоторое сомнение в верности избранной формы. Понятно желание привлечь к книге внимание широкого читателя. Больше того, такое внимание, как уже было сказано выше, – неотложная необходимость. И все же форма художественной реконструкции, которая используется для наиболее известных проявлений феномена постжизни Свистулькина, представляется спорной. Такой подход неизбежно требует произвольных и безосновательных допущений.

Трудно поддержать и отношение автора к дискуссии Овсеяна и Кувшинникова, пламенеющей сердцевине сегодняшних исследований постжизни. Борис Геннадьевич Кувшинников – один из основателей нашего института, а значит, и спиритической физики в целом; трудно переоценить его огромный вклад в науку, однако безоговорочная

и почти всеобщая поддержка сотрудниками института позиции Кувшинникова кажется мне чрезмерной и даже, откровенно говоря, не лишенной ложно понятого и местечкового патриотизма. Работы в области физики постжизни строятся на столь скудном и спорном материале, что окончательная убежденность в чьей-то правоте выглядит сильно преждевременной. Очень возможно, неправ окажется не только Овсепян, но и Кувшинников или, говоря другими словами, оба окажутся правы, но частично. Это не умаляет ценности самой дискуссии или работы ученых, именно такая бескомпромиссная борьба мнений – лучший путь к установлению научной истины.

Книга А. С. Проста охватывает полтора века, но пристальнее всего автор вглядывается в царствование Николая II, период, вокруг которого сейчас кипят самые бурные страсти. В то же время несколько сжатое описание возможных проявлений между восстанием декабристов и началом царствования Николая II представляется известной слабостью. Далеко не все проблемы этих семидесяти лет можно считать окончательно разрешенными.

В любом случае книга А. С. Проста – большой шаг в правильном направлении. По моему глубочайшему убеждению, дальнейшее изучение постжизни все менее возможно без участия историков и лингвистов, также как давно стало очевидно, что без такой помощи адекватный анализ и расшифровка результатов спиритических контактов просто невозможны. В свою очередь, для истории и языкознания научный оккультизм открывает невероятные, просто фантастические перспективы.

Именно здесь, на стыке дисциплин, нас ожидают важнейшие открытия будущего. Надеюсь, совсем скоро начнутся публикации исключительно, не побоюсь громких слов, значения. Поясная бляха, найденная археологами на Куликовом поле, стала спиритическим якорем*, который позволил установить контакт с воином Серпуховского городского полка, павшим в сражении. Ученые нашего института в тесном сотрудничестве с лингвистами А. А. Гиппиусом и А. К. Поливановой, историком О. В. Двуреченским смогли поддержать спиритический контакт на протяжении шести сеансов продолжительностью от двадцати восьми минут до восьми с половиной часов. Без сомнения, эта работа станет важной вехой и для спиритологии, которой никогда еще не удавалось проникнуть так глубоко в прошлое, и для истории, и для лингвистики.

Мы вступаем в эпоху, когда всякий спиритолог обязан стать немного историком и лингвистом – и наоборот, историки и лингвисты должны стать слегка спиритологами.

Игорь Петрович Булдаков,
*директор Научно-исследовательского института
научного оккультизма и спиритической физики,
доктор физико-математических наук,
действительный член Российской академии наук.*

* Спиритический якорь – предмет, через который устанавливается спиритический контакт.

I

Мир несправедлив. Известность делится в нем случайными и незаслуженными ломтями. По сей день петербургские экскурсоводы рассказывают про никогда не существовавший призрак императора Павла, обитающий якобы в Михайловском замке, на месте трагической кончины, о нем пишут развлекательные статьи и вспоминают в телевизионных передачах.

Миновало почти двадцать лет с тех пор, как первое в истории полномасштабное РПВ-исследование неоспоримо доказало, что феномен постжизни никогда не проявлял себя в Михайловском замке. Более того, в наше время ученые согласованно считают феномен постжизни привязанным не к конкретным зданиям, а к территориям. Мощность проявления феномена постжизни обратно пропорциональна квадрату расстояния от эпицентра возникновения. Таким образом, он может проявляться и восприниматься людьми на расстоянии нескольких километров от эпицентра.

Уже больше двух столетий громкая известность никогда не существовавшего призрака императора Павла опережает знакомство публики с феноменом постжизни Кузьмы Степановича Свистулькина. Последние годы, по мере взрывного развития спиритической физики, интерес к Свистулькину значительно вырос, но удовлетворяется чаще всего, увы, самым извращенным образом персонажами бесконечно далекими от научного знания. Ситуация отчасти повторяет середину XIX века, когда призрак Свистулькина стал почти фольклорным персонажем, зачастую уже и без всяких «почти».

Жизнь Кузьмы Степановича Свистулькина довольно обычна для дворянина второй половины восемнадцатого столетия. Этот храбрый офицер прослужил без малого четыре десятилетия, по большей части в блистательное царствование Екатерины Великой, эпоху многочисленных войн и громких побед, так что Кузьме Степановичу довелось сражаться и с турками, и с поляками, а при Павле – и с французами. Свистулькин раз за разом проявлял себя храбрым и дельным офицером, но карьеру сделать не сумел. Для своего срока службы и возраста он находился в отчасти даже неприличном чине капитана. К тому было несколько причин.

Сам Кузьма Степанович в первую голову винил происхождение, хоть и благородное, но весьма скромное. Свистулькины – старинный дворянский (как сами они уверяли без особенных оснований) род из глухого вологодского угла. Происхождение от мифического дружинника Александра Невского Никиты Свистулы, видимо, не больше чем семейная легенда. Первый исторически достоверный Сви-

стулькин появляется в записях Разрядного приказа только в правление Михаила Федоровича. Устойчивое словосочетание «небогатая дворянская семья» в случае Свистулькиных сильно преувеличивает недостаток. Нищая и многодетная, едва различимая с собственными четырьмя крепостными, было бы куда точнее.

Происхождение – основание веское, но недостаточное. Разумеется, отсутствие влиятельных родственников и друзей еще никому в карьере не помогло, но можно составить длинный список генералов той эпохи, выходцев из самого скромного дворянства.

Еще одной причиной неудачной карьеры Кузьма Степанович называл свой гордый и ершистый нрав. «Я, сударь мой, подлости и лжи терпеть не стану, хоть бы и от самого...» – тут Свистулькин обыкновенно замолкал и только качал указательным пальцем, устремленным в небо. Ему хотелось сказать, что несправедливости он не потерпит даже от господ бога или государя, но это предполагало физическую возможность такой несправедливости, чего Свистулькин, человек православный и верноподданный, не мог допустить даже риторически. Действительно, Кузьма Степанович при общей добродушности нрава был совершенно негибок в вопросах долга и чести, что сильно вредило ему по службе.

Самую важную причину, которая с большим отрывом затмевала и происхождение, и неуступчивость, Свистулькин вряд ли бы упомянул. К сожалению, Кузьма Степанович испытывал пагубное пристрастие к горячительному. Само по себе обстоятельство незначительное и малозаметное в армейской среде,

но в пьяном виде у него обострялась щепетильность к своей дворянской чести. Иначе говоря, чудились изощренные оскорбления в самом невинном поведении, что вело к скандалам, дракам и даже дуэлям. По крайней мере, нам достоверно известен случай, больше похожий на поединок, чем на пьяный мордобой. Словом, Свистулькин постоянно балансировал между повышением и разжалованием, если не каторжными работами.

Вышел Кузьма Степанович из службы самым печальным образом. Во время Швейцарской кампании потерял ступню и руку по локоть: отморозил при переходе через Альпы. И руки, и ноги он лишился левых. «Повезло, – шутил мужественный старик, – ненужное оттяпали».

По возвращении в Россию Кузьма Степанович провел два месяца в родовом имении, если уместно назвать так несколько покосившихся избышек. Старший брат давно умер, а племянники, угрюмые мужчины средних лет, не захотели терпеть едва знакомого калеку в своем тесном доме, полном детишек, чугунков, связок лука, нужды и тяжелого пьянства.

Кузьма Степанович, не до конца оправившийся от ранений, перебрался в уездный город. Иных средств к существованию, кроме пенсионного половинного жалования, у Свистулькина не было. Жить на это, соблюдая достоинство офицера и дворянина, было крайне затруднительно. Работать калека не мог. Одно из немногих доступных занятий – переписывание бумаг – исключалось ужасным почерком, да и, по правде сказать, малограмотностью капитана.

Как-то сразу вспомнилось, что после смерти отца за ним осталась половина той самой нищей дере-

вухи, откуда его так бесцеремонно выставили. После нескольких неприятных бесед племянникам пришлось согласиться выкупить его долю. Таких денег при их скудном достатке в наличии, конечно, не имелось. Пришлось повторно заложить имение.

Сумма получилась скромная, хотя и казалась Свиштулькину очень внушительной. Впрочем, даже он понимал, что при его легком нраве денег хватит ненадолго.

Кузьма Степанович отправился в Санкт-Петербург, вооруженный самым точным и неотложным планом. Офицер, отставленный по тяжкому боевому ранению, почти всегда получал производство в следующую чин (что автоматически повышало пенсию) и дополнительную единовременную выплату. Кроме того, при таком увечье офицер, отслуживший больше тридцати лет, как Свиштулкин, уходил в отставку по высшей категории и имел право на пенсию в размере полного жалования. Кузьма Степанович доказывал, что потерял конечности на службе отечеству, в чем был полностью прав, конечно. Не шутки же ради он ночевал в снегу на швейцарском перевале. Однако тогда, как и сейчас, убедить в чем-то подобном государственную машину – настоящий подвиг, почище перехода через Альпы.

Одновременно Свиштулкин добивался ордена Святого Георгия четвертой степени. Дело было глубоко безнадежным: в царствование Павла Георгием, учрежденным его матерью, не награждали, но Кузьма Степанович отчего-то считал, что для него сделают исключение. Свиштулкина дважды представляли, но награждения он так и не получил. Несбывшиеся представления в счет, конечно, не шли,

но орден давно полагался ему по выслуге лет, хотя существовали служебные взыскания, которые могли считаться препятствием. Кузьма Степанович разъяснял всем соглашавшимся его слушать: «Сто рублей пенсии при моих обстоятельствах лишними отнюдь не будут», – но в глубине души мечтал о кресте в петлице вполне бескорыстно, заранее предвкушая уважение, окружавшее георгиевских кавалеров.

Кузьма Степанович был немолод и сильно побит жизнью, отчего счастье представлял точно и довольно скромно. Окончательное блаженство требовало, прежде всего, собственного уютного домика в небольшом городе, желательном уездном, при доме непременно сад с яблонями и вишнями, кустами малины, крыжовника и смородины. Кроме того, для счастья требовалась жена, почему-то непременно вдова, добрая женщина и умелая кухарка. Кузьма Степанович с подробностями мечтал о пирогах с визигой, луком, яйцом, вишнями и яблоками, рюмочке водки перед обильным ужином на веранде, дымящейся кастрюле со щами. Саму жену представлял очень смутно: только казалось отчего-то, что у нее непременно будут полные белые руки и заманчивая складочка на шее. Присутствовал в мечтах, совсем уже робких, сын, крепкий озорной мальчишка, которого он научит рыцарству, храбрости, верности и еще почему-то французскому языку и верховой езде, хотя в последних дисциплинах сам Кузьма Степанович не слишком блистал. А уж следом за семейными мечтами виднелся аккуратный мундир с Георгиевским крестом, который он надеет в праздничный день, и неторопливая прогулка

через весь город в церковь – с поклонами, обстоятельными приветствиями, краткими обменами дружественными фразами.

Свистульский никогда прежде не бывал в Петербурге – блистательный лоск столицы огненно поразила и покорила его. Он непрестанно восхищался всем подряд: широтой и прямизной проспектов, роскошью витрин, красотой дворцов, мощью Невы. «В Европе такого не сыщешь, и не ищи, – убеждал всех Кузьма Степанович, – нечего и сравнивать».

Представление о Европе у него полностью сформировалось за время суворовского похода: на марше и в осадах он видел десяток австрийских и итальянских городов. Честно сказать, патриотизм в наблюдениях несколько опережал факты.

«Взять хоть реки. Это ж не реки у них, а ручьи по нашему-то счету. Разве Дунай, – на этих словах Свистульский кривился, словно откусил что-нибудь кислое, – да и тот пустяк против Невы, не говоря о Волге или Днепре. А кирхи их с нашими церквями нечего и сравнивать. Разве в Милане выстроена серьезного габариту, но и та в половину Петропавловки, а по красоте никакого сравнения».

Кузьма Степанович снял комнатку на третьем, последнем тогда этаже доходного дома на углу Литейного и Невского проспекта*. Дополнительные два этажа надстроили много позже, в 1877.

Дом входил в необозримое наследство знаменитого вельможи елизаветинского и екатерининского царствования Адама Васильевича Олсуфьева. Законных и прямых наследников Олсуфьев не оставил, зато, находясь последний год жизни в изнуряющей

* Современный адрес: Невский проспект, д. 74–76.

болезни, написал несколько раздраженных завещаний, противоречащих и друг другу и законодательству.

Семнадцатый год вокруг колоссального состояния шла непримиримая борьба между незаконной дочерью, а теперь уже незаконными внуками и троюродными полуплемянниками. Во времена фавора Платона Зубова племянники почти одолели, уже составили высочайший рескрипт, уже ожидали царской подписи, но неожиданная кончина императрицы Екатерины Алексеевны разрушила приготовления.

Доброжелатели незаконных отпрысков едва не решили дело, играя на привычке Павла I поступать наперекор матери, но и тут что-то сорвалось в самую последнюю секунду. Многие тысячи страниц исходящих и входящих бумаг исписали красивым канцелярским почерком и сшили в десятки томов, прогитавших казенные полки. Несколько месяцев назад императору вновь доложили о запутанной тяжбе, и он вдруг мимоходом обронил, что было бы недурно изучить дело на предмет признания имущества вымороченным с обращением в доход казны. Обе стороны пришли в отчаянье, прибегли ко всем рычагам и были, кажется, даже близки к соглашению.

Достаток и тех и других совершенно истощили подношения, услуги стряпчих, взятки и пошлины. Уже и из будущего наследства разным полезным людишкам обещали немалые доли, столь щедрые, что неясно становилось, сколько останется самим наследникам и останется ли хоть что-то.

Пока шло разбирательство, за поместьями, особняками и доходными домами следили времен-

но назначенные управляющие, пользовавшиеся, конечно, имуществом с необыкновенной для себя пользой. Дом на Невском тогда был доверен надворному советнику Альтбергу, поселившемуся тут же, на втором этаже. Непосредственными делами заправляла его супруга Шарлотта Францевна.

Крыша текла, лестница давно нуждалась в замене, фасад – в свежей штукатурке. По бумагам работы успешно проводились и даже не по разу, но когда-то respectable дом приходил во все больший упадок. Квартиру на третьем этаже передали в наем некой госпоже Бубновой, которую никто из жильцов никогда не видел, имея дело только с Шарлоттой Францевной, а после сдали частями – втрое примерно дороже. Цены тем не менее оставались необыкновенно привлекательными при общей столичной дороговизне.

Комната стала для Свистулькина настоящей находкой, удобной близостью к присутственным местам. Нужные канцелярии и департаменты располагались не дальше пешеходной прогулки, возможной даже для калеки.

Лифт еще не изобрели, карабкаться на последний этаж с его увечьем было непросто. Вдобавок перила приходились при подъеме под неудобную левую руку. Комнату пониже этажом Кузьма Степанович не мог себе позволить, добираться ежедневно с окраин тоже не получалось. Пешком он просто не дошел бы, а на самом дешевом извозчике выходило не по карману. За такие деньги можно было поселиться разве что в подвале дворового флигеля, но это Свистулькин считал уроном для дворянской чести. Пусть течет крыша, пусть он всякий раз выбивается

из сил, забираясь на свой этаж по ненадежной лестнице. Пусть. Зато среди чистой публики.

Соседи по квартире пребывали в схожих жизненных обстоятельствах: держали оборону на последнем редуте пристойности. Свистулькин по живости и легкости характера быстро со всеми перезнакомился, а с некоторыми даже сошелся.

Две комнаты снимало многодетное семейство титулярного советника Петра Кузьмича Подколокольного, прежде служившего на превосходном месте в казенной палате, а теперь прозябавшего на ничтожной должности в Медицинской коллегии. «Пострадал за правду», – несколько туманно объяснял превратность судьбы Петр Кузьмич. Человек он был, говоря прямо, малопрятный: угрюмый, молчаливый, придиричивый. Его супруга Лукерья Поликарповна, уставшая женщина, пропахшая кухней, еще меньше подходила для товарищеского общения. Зато Свистулькин неожиданно сдружился с их младшим сыном Никитой – живым и любопытным мальчиком. Никита охотно помогал Кузьме Степановичу поднять воду или дрова, с благодарностью принимал гостинцы, но главное, любил зайти к нему долгим петербургским вечером, послушать про сражения и походы.

Пройдет совсем немного времени – и подпоручик Смоленского полка Никита Подколокольный вспомнит эти вечера перед своим первым сражением подле крепости, чье румынское название почти неодолимо для русского языка. Служить в том же полку, что и Кузьма Степанович, казалось ему чем-то важным и символичным.

Поручик Подколокольный получил тяжелое ранение под Салтановкой, но к Малоярославцу вер-

нулся в строй, в заграничном походе отличился под Лейпцигом и вошел в Париж уже капитаном и георгиевским кавалером.

Подполковником сражался под Варной, а после командовал, и очень умело, полком на Кавказе. В отставку вышел генерал-майором пятидесяти трех лет. Впрочем, это дело далекого будущего, пока же Никита, приоткрыв рот от внимательности, слушал батальные повести Кузьмы Степановича – честно сказать, не всегда до конца точные.

Воспоминания об этих днях, полные теплоты и нежности к старшему другу, содержатся в письме Подколокольного из лабзинского архива – ценнейшего собрания свидетельств о жизни и постжизни Свистулькина.

Еще одну комнату снимала старая дева тридцати трех лет Ульяна Августовна Шпомер, жившая урками фортепяно. Отец ее, Август Карлович, хоть и происходил из природных лифляндских немцев, судя по многому, сильно обрусел. Он занимал не особенно высокую, но необыкновенно заманчивую должность из тех, что вызывают всеобщую уверенность в бесчестности сами по себе, без конкретных оснований.

Семейство Шпомеров в те счастливые, давно миновавшие дни занимало очаровательный дом на берегу Фонтанки. Выезд, прислуга, парижские наряды, гости, в доме не смолкало веселье. Ульяна Августовна была третьей, младшей дочерью, ее баловали даже сильнее старших, которых уже успели выдать замуж, и очень удачно. Старшую Прасковью – за красавца ротмистра древнего рода, едва ли не Рюриковича. Среднюю Алевтину – за коллежского асессора,

в котором все признавали глубочайший ум и которому прочили блистательное будущее. Часто стал бывать в доме еще один ротмистр, тоже самого достойного происхождения, вдобавок отличный танцор, одевавшийся с большим изяществом. Главные слова еще не прозвучали, но дело продвигалось вполне определено. Ротмистр бывал почти каждый вечер и называл Августа Карловича и его супругу папенькой и маменькой. Обсудили уже и венчание, пока внутрисемейно, по-домашнему. Ульяна Августовна хотела успеть до Троицы, но родители думали об Успении, да и то не вполне уверенно, склоняясь больше к Покрову.

Гром, молния и буря обрушились на мирное семейство, в считанные дни разметав уютный очаг. Экспедиция свидетельства счетов затеяла в ведомстве Августа Карловича изыскание на предмет злоупотреблений. Проверка носила не обычный дружеский характер, а, напротив, самый дотошный, въедливый и грозный. В трагический августовский день Августа Карловича вызвали в Экспедицию, где грозный и хмурый генерал потребовал истолковать суммы, указывая строчки в лежащих перед ним бумагах. Объяснений почти не слушал, а только двигал дальше, все сильнее повышая голос с каждой следующей цифрой. Дело пошло на крик, кулак несколько раз опустился на столешницу, промелькнули словечки: «Сибирь», «каторга», «сгною». Несчастный Август Карлович неожиданно встал во весь рост, оправил вицмундир и хотел что-то сказать, но вместо этого замертво рухнул на персидский ковер генерала, подаренный к юбилею службы подчиненными и сослуживцами.

Точные обстоятельства досадного происшествия едва ли можно установить по прошествии двух столетий. Все сходились, что злоупотребления в самом деле имели место, в подтверждение высчитывали расходы Августа Карловича на столь широкую жизнь, сравнивали с доходами, не забыв и награжденные. В самом деле, несоответствие выходило очень заметное.

Причины несчастья называли самые разные, и все очень убедительные. Одни говорили, будто бы высокопоставленный вельможа, начальник и покровитель Августа Карловича, повздорил с другим высокопоставленным вельможей из-за важного назначения (даже называли конкретно Тамбовское наместничество), и вся ревизия – подкоп и интрига, нацеленная против покровителя. Другие, и не менее убедительно – что Август Карлович проявил чувствительность институтки, совершенно неожиданную для возраста и положения, будто бы контролер просто нагонял, как водится, ужаса, но не с целью уничтожить, а желая увеличить сговорчивость. Дескать, ничего Августу Карловичу не грозило, кроме некоторых, пусть и крупных, расходов.

Так или иначе, после кончины несчастного чиновника расследование как-то само собой сошло на нет.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА